

Глава 40

Я УХОЖУ В МОРЕ

— Вы сможете взять только «Артемиду».

Кузен Джейми задумчиво коснулся лба, хлопнув крышкой маленького письменного стола. Тогда, двадцать лет назад, он был уже немолод — ему было за пятьдесят, — а сейчас и все семьдесят, и все же он мало изменился: я увидела того же поджарого деятельного мужчину, каким я знала Джареда. Кажется, только волосы, поседевшие и поредевшие, потерявшие былую гладкость, выдавали его истинный возраст, да и те были собраны в хвост с помощью ленты красного шелка, так что внимание собеседника в основном привлекал курносый нос, впрочем, ничуть не портивший облика Джареда.

— Шлюпка небольшая, уместится разве человек сорок команды, но другого ничего нет — конец сезона. Когда бы «Артемиды» не нуждалась в ремонте, она бы давно уже была на Ямайке, и вы бы вообще остались ни с чем, ведь все желающие попасть в Карибское море ушли с месяц назад.

— Джаред, мне неважно, сколько человек будет в команде. — Джейми не терпелось поговорить о деле. — Получить корабль и капитана — а больше ничего не нужно.

Джаред только повел бровью на протест кузена.

— Правда не важно, кузен? Когда будешь кататься из стороны в сторону по плохонькой палубе, ты изменишь свое мнение, да будет поздно. Командный состав корабля, равно как и тоннаж, — один из важнейших показателей, поверь. Кстати, как прошло плавание? — ехидно поинтересовался Джаред.

Джейми только нахмурился в ответ. Он явно понимал, что кузен прав: не стоит выходить в открытое море, если ничего не смыслишь в кораблях, а напоминание о том, что он страдает от морской болезни, больно уязвило его. Джейми тяжело перенес переход через Ла-Манш — это небольшое морское путешествие не только далось нелегко, но заставило его буквально позеленеть. К счастью, погода сопутствовала нам, и мы быстро достигли французского берега, но побелевшие губы и темные круги под глазами Джейми указывали на то, что он до сих пор не оправился от плавания на пакетботе.

— Выдержу, — быстро проговорил он.

Казалось, Джаред не поверил его обещанию. Да и было достаточно причин усомниться в способности Джейми выдержать столь длительное плавание — нам предстояло плыть через Атлантику два или три месяца, — ведь от его физического состояния ни много ни мало зависел успех нашего предприятия, а ближайший остров, где можно будет бросить якорь, должен был появиться только ближе к концу плавания. Значит, все это время Джейми будет беспомощно барахтаться в маленькой каюте. Можно только представить, чего это будет ему стоить: если он продолжал чувствовать себя плохо шесть часов спустя после плавания, если от Инвернесса до Гавра он выглядел ужасно, да что там — если вид заякоренного корабля заставлял его зеленеть, о чем можно было говорить? Мне было боязно за него.

— Повлиять на это нельзя, значит... — Джаред, вздохнув, ободряюще улыбнулся мне: — Значит, врач всегда будет при тебе. Верно я говорю, Клэр?

— Ну разумеется. Скажи, как скоро мы сможем выйти в море? Мне нужно время, чтобы подготовить снадобья, могущие понадобиться в пути.

Кузен Джейми задумался.

— Думаю, не раньше, чем через неделю. Корабль придет сюда только послезавтра — если ветер будет попутным, — он в Бильбао с итальянской медью и дублеными испанскими кожами. Команда есть, но нет капитана, который бы дал согласие

В ПЛЕНУ СТИХИЙ

плыть так далеко на исходе сезона. Впрочем, я знаю человека, который может согласиться, но он может быть в Париже, то есть прибавь еще четыре на дорогу туда и обратно. Еще день-два на пополнение запасов, на воду для бочек... Не раньше, чем через неделю.

— Сколько корабль идет до Вест-Индии? — отрывисто спросил Джейми.

Он был все так же напряжен, как и тогда, когда мы ехали в Гавр к его кузену. Это был не человек — лук, готовый немедленно выпустить стрелу, как только представится возможность. Он не хотел терять ни минуты — ведь мы и так уже упустили слишком много времени — и найти малыша Эуона как можно скорее. Я подумала о том, что пока мальчик в руках у похитителей, это нервное напряжение будет сохраняться.

— Обычно два месяца, — последовал ответ хмурившегося Джареда, — но это в сезон. Не за горами зимние шторма, так что вы попадете в Вест-Индию разве что через три месяца или даже больше. Кабы выйти на месяц раньше...

От меня не укрылось суеверное постукивание Джареда по деревянному столу. Значит, он боится сглазить нам дорогу, боится, что наше предприятие не будет удачным. И все же он не сказал, что мы можем не доплыть. Суеверный страх или простое чувство такта?

Я никак не могла отогнать от себя мысль, что корабль, увезший Эуона, мог направиться не в Вест-Индию. Наше предположение подтверждали только бумаги начальника гаврского порта, которые повезло найти Джареду. Корабль носил название «Бруха», что на испанском значило «Ведьма»... Уместное название, ничего не скажешь! За последние пять лет он был в Гавре дважды, а затем отправлялся в порт приписки — Бриджтаун, находящийся на острове Барбадос.

— Джейми, повтори еще раз свой рассказ о корабле. Ты можешь вспомнить его осадку? Как он был нагружен?

Джейми, прикрыв глаза, воскрешал в памяти фатальный корабль. Вспомнив, он кивнул кузену:

— Хорошо был нагружен, ты верно говоришь. Пушечные порты почти касались воды — они были не выше шести футов от волн.

Услышав удовлетворительный ответ, Джаред улыбнулся.

— Я был прав: он выходил из порта, отправляясь в дальнее путешествие. Это очень хорошо, потому как я разослал запросы в крупнейшие порты Франции, Португалии и Испании, чтобы нам предоставили сведения о том, откуда корабль начал свой путь. Таким образом мы узнаем и место отправления, и место назначения, указанное в бумагах. — Внезапно по его лицу пробежала тень. — Но если документы поддельные и это пиратский корабль, тогда мы ничего не будем знать наверняка.

Он встал, отодвинув раскладной письменный стол красивого красного дерева, ставшего еще красивее с течением времени, за которым сидел, и сказал:

— В любом случае, мы делаем все от нас зависящее. Идемте поужинаем — уже поздновато. Кузен, утром мы с тобой займемся подготовкой к путешествию, а твоя жена может колдовать над своими снадобьями.

Мы находились недалеко от дома Джареда, но поскольку в пять часов вечера здесь было уже темно, нас проводили два факельщика. Увесистые дубинки в их руках не оставляли сомнений: преуспевающим людям в Гавре лучше поостеречься и позаботиться о своей защите. Очевидно, Джаред знал о возможной опасности пребывания на пристани в темное время суток и принял необходимые меры.

Как бы то ни было, смотреть на горящие впереди факелы было приятно: они вселяли веру в успех предприятия и были тем огоньком надежды на лучшее, который подарил нам Джаред. Хотя мы были голодны и не выспались после тяжелого для Джейми перехода через Ла-Манш, а воздух был пропитан запахом сырой рыбы, настроение у нас было хорошим — мы понемногу приближались к цели.

«Бруха», по нашему мнению, была пиратским судном, и мы считали, что пиратам будет невыгодно калечить мальчика, толь-

ко если они не убили его сразу. Джейми и его кузен рассудили, что Вест-Индия является в том числе и рабовладельческим рынком, и Эуона — здорового юношу — сочли бы хорошим рабом или пригодным для подневольных работ, а таких ребят продавали за двести фунтов. Это были хорошие деньги, а пираты вряд ли бы работали себе в убыток. Таким образом, узнав, в каком порту был продан в рабство мальчик, мы сможем выйти на след самих пиратов и в конце концов вернуть Эуона.

Налетевший ветер брызнул мне в лицо дождевые капли. Это остудило мой пыл: я фантазировала о том, как легко можно будет вернуть парня, стоя на французской земле, а ведь у нас пока не было даже корабля. «Артемиды» еще не вернулась из плавания, а «Бруха», возможно, тоже прибудет в Вест-Индию с задержкой: и мы, и они попадаем в полосу зимних штормов.

Дождь шел всю ночь, барабанил по черепице. Странное дело: мне всегда казалось, что слушать звук стучащих по крыше дождевых капель приятно, это усыпляло и расслабляюще действовало на нервы, но не теперь. Сейчас мне казалось, что это звучит угрожающе и предупреждает нас о чем-то.

Мне не спалось. Джаред встретил нас прекрасно: ужин был вкусен, а вина — превосходны, и все же я поминутно представляла, как ветер рвет на части паруса «Артемиды» (которой, кстати, я еще не видела), а море глухо рокочет, неся смерть кораблю. Хорошо, что Джейми не было рядом — он обсуждал с кузеном детали путешествия, — иначе бы моя тревога передалась и ему, а он, без сомнения, и так переживал.

Джаред предоставлял нам свой корабль и брал на себя расходы по поиску капитана, но он настаивал, чтобы Джейми был суперкарго.

— Кем был? — изумилась я.

— Он возьмет на себя обязанности суперкарго, — понимающе улыбнулся Джаред. — Человека, который отвечает за груз. Капитан ведет корабль в пункт приписки, команда помогает ему в этом, а вот суперкарго целиком и полностью отвечает за груз — наблюдает за погрузкой и состоянием груза на корабле, следит

за его сохранностью, наконец, доставляет его куда следует и разгружает. А поскольку торговый флот доставляет грузы, суперкарго — главнейший человек на судне. Бывают случаи, когда ради сохранности товара капитан исполняет приказы суперкарго.

Ну что ж, Джаред искренне помогал нам и тратил свои деньги на снаряжение «Артемиды» и поиск капитана, но он не отказывался заработать на этом дополнительном рейсе. Это побудило его распорядиться принять на борт в Бильбао и Гавре грузы, чтобы доставить их на Ямайку. В Шотландию «Артемиды» должна была привезти ром: Джаред имел сахарную плантацию на острове.

Но назад «Артемиды» не могла отправиться так скоро: нужно было буквально ждать у моря погоды, то есть конца апреля — начала мая, когда прекратятся шторма. По нашим расчетам, на Ямайку мы должны были попасть в феврале, а вернуться назад, в Шотландию, в мае. Таким образом, у нас было около трех месяцев, за которые мы должны были найти Эуона на Ямайке или избороздить Карибское море в поисках мальчика, если это потребуется. Мы должны были найти его за это время...

Строго говоря, отправляясь в путешествие, мы рисковали не только своей жизнью, но и имуществом, любезно предоставленным нам Джаредом. Что и говорить, потеря корабля огорчила бы его, но ведь у него была не только «Артемиды», да и к тому же мы должны были привезти из путешествия ром, который, несомненно, принес бы хорошую прибыль Джареду, хотя его дела и без того шли довольно успешно.

Мне не спалось — оно и неудивительно, если учесть, какие мысли вертелись в моей голове. Ворочаться в постели надоело, и я пошла к окну, предварительно завернувшись в теплое одеяло.

Ветер уже немного ослабел, и не было слышно ужасного пугающего воя в печной трубе, но его дуновения было достаточно для того, чтобы гнать по темному небу тучи, закрывавшие на время луну. Дождь, хлеставший по стеклам, все же не мог скрыть мутное небесное светило, так что я могла видеть корабли у причала. Ветер гнал воздух и паруса, но тугие якоря крепко держали суда,

В ПЛЕНУ СТИХИЙ

качавшиеся на волнах от этих разнонаправленных сил. Это было прекрасно, но еще прекраснее было осознавать, что очень скоро — уже через неделю — я сама взойду на борт и смогу ощутить дыхание морского ветра на щеках.

Когда я отправлялась в Шотландию сквозь камни, я не позволяла себе испытывать судьбу и не думала о том, как сложится моя жизнь с Джейми и что будет, если мне не удастся его найти. Впрочем, у меня в голове была одна мысль — я хочу быть с любимым, что бы мне ни пришлось сделать для этого. К счастью, судьба оказалась благосклонна ко мне, и я нашла Джейми сравнительно легко. Разумеется, я не знала, как он живет, а потому за несколько месяцев я смогла оценить прелесть перемен, перемещаясь вместе с ним по тайным тропкам Шотландии. Я была женой печатника Малькольма в Эдинбурге, где Джейми, как оказалось, вел двойную жизнь, печатая как непритязательные литературные вещицы, так и острые политические памфлеты, спутницей контрабандиста, которую часто подозревали в распутной жизни, и поселанкой, ведущей мирную жизнь в горах.

Но теперь мы вновь сжигаем за собой мосты и оставляем весь устоявшийся быт по своей воле.

Это нисколько не пугало меня, напротив — возбуждало. Я так долго сидела на одном месте, привязанная к семье и работе, не могущая себе позволить поступать по своей воле, что сейчас одна перспектива самостоятельно вершить свою судьбу кружила мне голову, а ведь я в самом деле взяла все в свои руки. Я без оглядки бросилась в бурлящий поток событий, он подхватил меня и понес навстречу неизвестности. И эта безумная и безвестная стихия несет меня до сих пор.

Пока я размышляла о предстоящем путешествии, на оконном стекле образовалось пятнышко от моего дыхания. Вспомнив былое, я начертила пальцем сердечко: так когда-то я рисовала сюрпризы для Брианны. На морозной поверхности тогда появлялось изображение сердечка, содержащего инициалы дочери В. Е. Р. — Брианна Элен Рэндолл. Будет ли она впредь называть себя Рэндолл? Или назовется по-настоящему — Фрэзер? Мгно-

вание я раздумывала, а затем вписала в фигуру всего две буквы — «J» и «C».

Джейми застал меня у окна.

— Не спится?

— Это из-за дождя, — слегка удивилась я его вопросу.

В тревожном ночном холоде Джейми был надежной и теплой опорой, и обнимать его было вдвойне приятно.

В ответ он обнял меня, уткнувшись мне в волосы. Я почувствовала запах горящего воска и чернил, а еще от него исходил запах, характерный для перенесших морскую болезнь.

— Что-то писал?

Джейми воззрился на меня.

— Откуда ты знаешь?

— Услышала запах чернил, — пояснила я.

Джейми слегка улыбнулся, но все же растерянно взъерошил волосы.

— Вот это да, англичаночка! Этак свинья ищет трюфели, с таким-то чутьем!

— Ну спасибо. — Комплимент был вполне в стиле Джейми, поэтому я как оскорбленная сторона сочла себя вправе подвергнуть его расспросам. — Так что ты писал?

Он перестал улыбаться и насупился.

— Решил написать сестре, — бросил он, снимая плащ и развязывая галстук. — Поскольку мы уже поговорили с Джаредом и сможем вскоре начать поиски, будет нелишним известить о том, что произошло. И по чьей вине, — добавил он. — Теперь можно рассказать, что мы собираемся делать, чтобы вернуть парнишку.

Он помолчал и снял рубашку. Гримаса боли исказила его лицо.

— Представляю, в какую фурию она превратится, когда все узнает. Хорошо, что я буду далеко от дома, когда она получит эту добрую весточку от заботливого брата. — Горькая усмешка выказывала истинные его чувства — смесь ярости, сожаления и вины.

Признание, пусть и письменное, далось ему нелегко, но оно облегчило душу. Джейми уселся, все еще раздумывая, как отне-

сется к нему сестра после прочтения письма. Пока он разувался, я коснулась его волос, чтобы расплести их.

— Хорошо, что я написал ей, — произнес он. Видимо, содержание письма не давало ему покоя, но я поняла, в чем причина, когда Джейми пояснил: — Мне никогда еще не было так страшно. Кто бы мог подумать, что я буду бояться родной сестры.

— Выходит, ты во всем признался? Ты написал все как есть? Сказал, что Эуона похитили? — Я все же не удержалась от распросов.

— Ну да, — пожал он плечами. — Я не мог соврать. Я никогда не вру, никому.

«Разумеется, никому, я не в счет», — мелькнуло у меня в голове. Однако я сдержалась и провела ладонью по спине Джейми, лаская его узловатые мускулы.

— А где мистер Уиллоби? — вспомнила я любовь китайца к оригинальному массажу. Мистер Уиллоби постоянно присутствовал на корабле, словно ангел-хранитель в одеждах цвета небесной лазури, зорко наблюдая за Джейми и помогая ему по мере возможности. Джаред не стал подвергать его расспросам и, казалось, ничуть не удивился, по крайней мере не выказал своего изумления ни появлением незваного гостя, ни его крохотным росточком. Мне думалось, что это оттого, что французские порты предоставляли массу возможностей познакомиться с экзотической публикой и Джаред видал всякое. Он сказал пару слов китайцу и был серьезен в общении с ним — в его тоне нельзя было заподозрить и тени иронии. Правда, экономка не была так учтивая и намекала на то, что не рада видеть мистера Уиллоби в доме.

— Думаю, он спит на конюшне, ведь Матильда не пустила его ночевать, хоть и дала поужинать. Ты знаешь, она заявила, что нога язычника не ступит в дом, и даже окропила кухню святой водой.

Джейми растянулся на кровати, улыбаясь. Заметив сердечко, которое я нарисовала на окне, он вопросительно посмотрел на меня.

— Ничего особенного, я дурачилась, — ответила я.